

Археологические вести

— 31 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин (главный редактор), академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, В. Н. Кузнецова, Е. В. Новгородских, Е. Е. Носова, Т. А. Тарабардина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 31** / [Гл. ред. В. А. Лапшин]. — СПб., 2021. — 381 с.: ил.

Очередной номер журнала «Археологические вести» посвящен юбилею Наталии Вадимовны Хвощинской. В разделе «Наш юбилей» собраны воспоминания друзей и коллег, библиография работ, а также фотографии разных лет. Часть «Городище и Новгород» содержит статьи, посвященные изучению Рюрикова городища и древнего Новгорода. В следующих разделах представлены работы по археологическим исследованиям древностей Восточной Европы и истории науки. Среди авторов журнала — исследователи из Новгорода, Пскова, Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска.

The current issue of the Yearbook “Archaeological News” is dedicated to the jubilee of Natalya Vadimovna Khvoshchinskaya. The section “The hero of the jubilee” unites reminiscences of her friends and colleagues, a bibliography of her published works and photographs of different years. The section “Gorodishche and Novgorod” comprises articles dealing with investigations of Ryurikovo Gorodishche (Rurik’s Hillfort) and ancient Novgorod. The next sections present archaeological studies of antiquities of East Europe and the history of science. Among the authors of the Yearbook there are researchers from Novgorod, Pskov, Saint Petersburg, Moscow and Petrozavodsk.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Рюриково городище. Большая круглая фибула IX–X вв. в стиле Борре (раскопки 1998 г.)

First page of cover — Ryurik Gorodishche. Large circular brooch of the 9th–10th century in Borre style (excavations in 1998)

Четвертая страница обложки — Наталия Хвощинская в Новгороде (2019 г.)

Fourth page of cover — Nataliya Khvoshchinskaya in Novgorod (2019)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

ИСТОРИЯ НАУКИ

«При археологических работах исполнял возложенные на меня обязанности ревниво, аккуратно и беспрекословно...». Надсмотрщик Керченского музея Самуил Петрович Петренко¹

М. В. Медведева²

Аннотация. В статье рассматривается деятельность надсмотрщика Керченского музея древностей С. П. Петренко на основе документов Императорской археологической комиссии из собрания Научного архива ИИМК РАН. Он проработал на этой должности 27 лет и принимал участие в раскопках многих знаковых для российской археологии памятников в конце XIX — начале XX в. Впервые публикуется неизданная до этого полностью статья Н. И. Репникова, посвященная вкладу С. П. Петренко в археологию.

Annotation. This paper considers the activities of the supervisor of the Kerch Museum of Antiquities S. P. Petrenko basing on documents of the Imperial Archaeological Commission from the collection of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture (ИИМК) RAS. Petrenko had been working in this position for 27 years and participated in excavations of many sites significant for Russian archaeology in the late 19th — early 20th century. Here the unpublished paper by N. I. Repnikov devoted to the contribution of S. P. Petrenko to archaeology is first completely presented.

Ключевые слова: Императорская археологическая комиссия, Керченский музей, С. П. Петренко, история археологии, архивные документы, Научный архив ИИМК РАН.

Keywords: Imperial Archaeological Commission, Kerch Museum of Antiquities, S. P. Petrenko, history of archaeology, archive documents, Scientific Archives of ИИМК RAS.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-359-378

Немало выдающихся археологических открытий было сделано в эпоху Императорской археологической комиссии. О них нам хорошо известно из многочисленных публикаций, а имена ученых-первооткрывателей в большинстве случаев прекрасно знакомы современным исследователям. Но кто стоял у истоков этих открытий? Кто на практике лопатой и мастерком добывал эти данные для ученых? Рядовые сотрудники Комиссии, труженики поля, на которых держались

раскопчные и камеральные работы, честно несли свою службу на благо российской археологии. Их имена хранят архивные документы, но знают о них немногие. Совершенно особое место в этом ряду принадлежит надсмотрщику Керченского музея Самуилу Петровичу Петренко (рис. 1). Участие его в раскопках археологических памятников постоянно упоминается на страницах рукописных отчетов ИАК, а его фотоизображение встречается в альбомах чаще, чем руководивших работами членов ИАК. Фигура С. П. Петренко уже становилась предметом изучения (Емельянова, 2015; 2019), однако материалы Научного архива ИИМК РАН позволяют дать более развернутую характеристику его работам в составе штата Керченского музея.

Керченский мещанин С. П. Петренко проживал на Госпитальной улице в Керчи (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1906 г. Д. 3. Л. 232), где в XIX в.

---

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0010 «Археологическая и реставрационная деятельность Государственной академии истории материальной культуры на территории Евразии в 1926–1937 гг. (по материалам Научного архива ИИМК РАН)».

² Научный архив, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; E-mail: pharc@mail.ru.

было обнаружено множество удивительных археологических находок, относящихся к эпохе Боспорского царства. Ведь именно там располагался элитный участок некрополя IV–V вв. (Шаров, 2016. С. 125) с подземными склепами. В погоне за золотыми вещами погребальные сооружения нещадно грабились так называемыми «счастливчиками» — местными жителями, занимавшимися раскопками «на счастье», в надежде найти клад и продать подороже торговцам или коллекционерам. «Счастливчики» были настоящим бедствием для государственной археологии. По сути они являлись обычными грабителями — охотниками за сокровищами, которые переставали вести какую-либо хозяйственную деятельность и превращали добычу древностей в основной источник доходов. Именно на Госпитальной улице такими «счастливчиками» в 1904 г. был обнаружен склеп с богатейшим комплексом вещей в «готском» стиле (Виноградов, 2019. С. 499), из-за которого, как предполагают, впоследствии был убит бандитами директор Керченского музея В. В. Шкорпил (Федосеев, 2002. С. 170). Проживание в эпицентре кладоискательской деятельности Керчи не могло не обусловить сферу занятости местных жителей. С. П. Петренко также не избежал этой участи и начал с карьеры «счастливчика», но если большинство таких персонажей так и оставались обычными грабителями археологических памятников, то С. П. Петренко успешно удалось перейти от незаконной деятельности к государственной работе на пользу археологической науки.

В целом, в документах Археологической комиссии описывается несколько случаев успешного вовлечения кладоискателей в профессиональную археологию в начале XX в. на юге России. При раскопках Ольвии Б. В. Фармаковский активно использовал «счастливчиков» в процессе исследования памятника, особенно пригодилось их умение искать непотревоженные грунтовые погребения на территории некрополя (рис. 2, 3). В Керчи один из бывших «счастливчиков» был нанят для охраны склепа Деметры с великолепно сохранившейся античной живописью и безупречно выполнял свою работу сторожа. Некоторые отличились в процессе раскопок в Керчи, и по рекомендации директора Керченского музея их приглашали работать и в другие экспедиции, проводимые Комиссией.

С. П. Петренко оказался самым неординарным в этом смысле «работником» Керченского

музея. С 1889 г. он состоял при Императорской археологической комиссии и трудился сначала только в Керчи. По поручению Керченского музея он проводил раскопки на многих находившихся под угрозой расхищения «счастливчиками» участках местных помещиков. Помимо непосредственного участия в земляных работах он занимался «приведением в порядок древностей, древних ваз, терракот, серебра, бронзы, костей и проч.» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916 г. Д. 39. Л. 1) (рис. 4) и командировался «временным надсмотрщиком в разные губернии Российской Империи и за границу».

В 1898 г. он принимал участие в раскопках известного скифского погребального комплекса Чмыревой могилы под руководством Ф. К. Брауна. Впоследствии в 1911 г. со слов С. П. Петренко, который «разбирал лошадей и помнит все подробности», было составлено описание устройства погребения коней, включенное Н. И. Веселовским в отчетную документацию о раскопках этого памятника в 1909–1910 гг. (Вахтина, 2019. С. 628–629).

В 1899 г. С. П. Петренко направили помогать Ю. А. Кулаковскому в окрестности Бахчисарая, а в 1900 г. он работал на Тамани под началом К. Е. Думберга (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916 г. Д. 39. Л. 1). О работе С. П. Петренко в 1900 г. на раскопках насыпи над склепом на участке нотариуса Фельдштейна упоминает доследовавший там в 1905 г. гробницу с остатками живописи инкрустационного стиля М. И. Ростовцев в своей монографии «Античная декоративная живопись на юге России». «...В 1900 г., как указывает руководивший в это время раскопками Петренко, ясно заметны были следы двух старых „казенных“ раскопок на северной и южной сторонах. О раскопках 1900 г. ... В. В. Шкорпил со слов упомянутого Петренко сообщает следующее (письмо от 23 мая 1912 г.): „Уже в 1900 г. был обнаружен склеп с фресками и сделана большая разведка, при которой достигли каменного саркофага, стоящего в заднем левом углу самой большой комнаты. Костяки найдены были разбросанными вокруг саркофага или каменного ложа. Среди костей попадались обломки простой глиняной посуды, обломки стеклянных шарообразных сосудов без ручек, бронзовый ключ, золотые листики от погребального венка. По сообщению Петренко, краски на стенах отличались при открытии склепа яркостью и сохранностью, особенно корзина

Рис. 1. Раскопки могильника Суук-Су, 1905 г. С. П. Петренко — в центре фотографии. Отп. О.633/24*
Fig. 1. Excavation of the cemetery of Suuk-Su, 1905. S. P. Petrenko in the centre of the photo. Impr. O.633/24

Рис. 2. Группа местных жителей на раскопках Ольвии, 1905 г. Фото В. Малько. Отп. О.2730/15
Fig. 2. Group of local residents at the excavations of Olbia, 1905. Photo by V. Mal'ko. Impr. O.2730/15

Рис. 3. Рабочие со щупами на некрополе Ольвии в поиске погребений под руководством Н. И. Репникова, 1905 г. Отп. О.2730-71
Fig. 3. Workers at the necropolis of Olbia searching with probes for burials under the direction of N. I. Repnikov, 1905. Impr. O.2730-71

Рис. 4. С. П. Петренко за склейкой вазы в Ольвии, 1905–1906 гг. Фото В. Малько. Отп. О.2730/104
Fig. 4. S. P. Petrenko gluing together a vase in Olbia, 1905–1906. Photo by V. Mal'ko. Impr. O.2730/104

* Оригиналы всех фотографий находятся в Фотоотделе НА ИИМК РАН. В подписях указан номер отпечатка.

Рис. 5. Керчь. Склеп на усадьбе нотариуса Фельдштейна. «Свозка кургана» в 1900 г. На переднем плане слева — С. П. Петренко. Фото М. С. Рубанчика. Отп. F 197/32

Fig. 5. Kerch. Tomb at the estate of the notary Feldstein. "Excavation of a kurgan" in 1900. In the foreground, left — S. P. Petrenko. Photo by M. S. Rubanchik. Impr. F 197/32

с плодами, изображенная на левой стороне склепа. Тогдашний арендатор Непомнящий соскабливал со стен Рельеф саркофага, — краску и, разбавляя ее в воде, красил баркас» (Ростовцев, 1914. С. 260) (рис. 5).

В течение шести первых сезонов систематического изучения Ольвии С. П. Петренко работал там надсмотрщиком на раскопах Городища и на некрополе под руководством Б. В. Фармаковского (рис. 6, 7). Вероятно, его участие в Ольвийской экспедиции продолжалось бы и далее, если бы в 1906 г. не случилась неприятная история с хищением ценной археологической находки в Ольвии на его участке. В 1907 г. в своей «докладной просьбе» председателю ИАК графу А. А. Бобринскому по поводу кражи артефактов, произошедшей на раскопе в Ольвии предыдущим летом, С. П. Петренко так описывает свою работу в музее: «... находился я безотлучно 18 лет в Музее Древности в качестве рабочего, а также надзирателем

при раскрытии и разборке кургана, также и наклеивкой разных найденных древних сосудов, а также приходилось быть прикомандированным в ночное время в обход, где рисковал своей жизнью. Да и в присутствии Вашего Сиятельства я производил раскоп...» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1906 г. Д. 3. Л. 232). Директор Керченского музея В. В. Шкорпил тогда же дал ему превосходную характеристику. В отличие от других надсмотрщиков он смог полностью поручиться за С. П. Петренко: «Насколько я знаю П., я вполне уверен, что он не способен совершить такую подлость, тем более все его и его семейства существование вполне зависит от Комиссии, от которой он почти круглый год получает пропитание, занимая то место надсмотрщика, то клейщика или простого рабочего» (Там же. Л. 291). Записка С. П. Петренко и характеристика, данная ему В. В. Шкорпилем, были рассмотрены на одном из заседаний ИАК, и директору Керченского музея

Рис. 6. Перед входом в домик Ольвийской экспедиции. Слева направо: Л. А. Моисеев, Б. В. Фармаковский, Н. И. Репников, С. П. Петренко. 1906 г. Фото В. Малько. Отп. О.2730/76

Fig. 6. In front of the entrance to the house of the Olbian expedition. From left to right: L. A. Moiseyev, B. V. Farmakovskiy, N. I. Repnikov, S. P. Petrenko. 1906. Photo by V. Mal'ko. Impr. O.2730/76

Рис. 7. Участники Ольвийской экспедиции во время посещения работ председателем ИАК графом А. А. Бобринским в 1906 г. Слева направо: Н. И. Репников, Б. В. Фармаковский, С. П. Петренко, Л. А. Моисеев, А. А. Бобринский, сын А. А. Бобринского Алексей. Фото В. Малько. Отп. О.2731/69

Fig. 7. Participants of the Olbian expedition during the visit of the chairman of IAC Count A. A. Bobrinskiy in 1906. From left to right: N. I. Repnikov, B. V. Farmakovskiy, S. P. Petrenko, L. A. Moiseyev, A. A. Bobrinskiy, Aleksey (son of Count A. A. Bobrinskiy). Photo by V. Mal'ko. Impr. O.2731/69

древностей было разрешено оставить его на службе при музее.

После этого С. П. Петренко еще неоднократно командировался в различные экспедиции и работал на раскопках многих знаковых для российской археологии памятников. В течение нескольких лет он принимал участие в археологических исследованиях Березани под началом Э. Р. Штерна (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916. Д. 39. Л. 1об.). В 1903–1905 гг. он помогал Н. И. Репникову на раскопках могильника Суук-Су (рис. 8–12), а в 1907 г. участвовал в его же разведках и раскопках в Крыму, в том числе при исследовании базилики в Партените (Репников, 1909а; 1909б). На фотографиях, сделанных во время этих работ, на груди С. П. Петренко красуется специальный знак «надсмотрщик Керченского музея», обозначающий, что он исполняет поручение музея (рис. 13–17). В 1908 г. он был командирован в Херсонес, где проработал восемь месяцев под руководством

Н. И. Репникова и Р. Х. Лепера, позднее там же он принимал участие и в раскопках Н. М. Печенкина на территории Страбонова Херсонеса (рис. 18–20).

Со временем С. П. Петренко стал сам руководить рабочими на раскопе. Его активно привлекали и к камеральным работам, неоднократно приглашали в Петербург для обработки коллекций и склейки керамики. Фактически он стал профессиональным техническим сотрудником археологических экспедиций ИАК. География его поездок расширилась и уже не ограничивалась только югом России. В 1909 г. надсмотрщик Керченского музея С. П. Петренко был приглашен С. Ф. Ольденбургом в его первую Туркестанскую экспедицию для наблюдения за раскопками, но, к сожалению, в самом начале заболел и вынужден был вернуться (Ольденбург, 1914. С. 1; Попова, 2008. С. 252). В 1911–1913 гг. участвовал в археологических работах на Земляном городище

Рис. 8. Раскопки могильника Суук-Су, 1905 г. В центре группы рабочих — С. П. Петренко. Отп. О.633/8

Fig. 8. The excavations of the cemetery of Suuk-Su, 1905. S. P. Petrenko in the centre of a group of workers. Impr. O.633/8

Рис. 9. Могильник Суук-Су. Раскопки у балки, 1905 г. Справа стоит С. П. Петренко. Отп. О.633/27
Fig. 9. Cemetery of Suuk-Su. Excavations near the ravine, 1905. Standing right: S. P. Petrenko. Impr. O.633/27

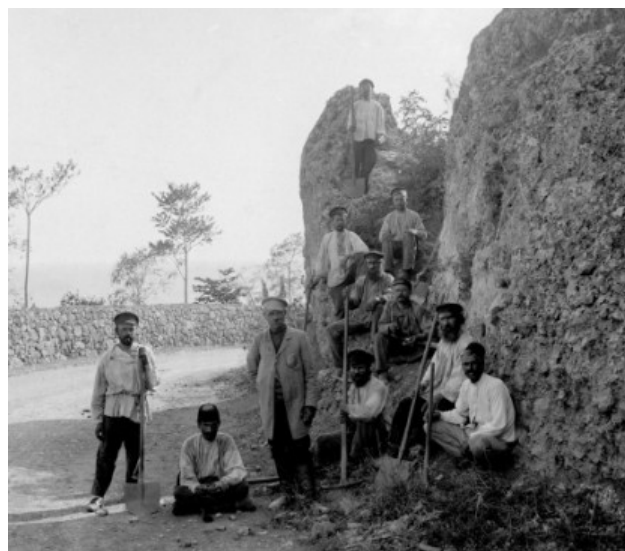

Рис. 10. Могильник Суук-Су. Раскопки у балки, 1905 г. С. П. Петренко с группой рабочих. Отп. О.633/29
Fig. 10. Cemetery of Suuk-Su. Excavations near the ravine, 1905. S. P. Petrenko and the workers. Impr. O.633/29

Рис. 11. Раскопки могильника Суук-Су, 1905 г. В центре группы рабочих — С. П. Петренко. Отп. О.633/11
Fig. 11. The excavations of the cemetery of Suuk-Su, 1905. S. P. Petrenko in the centre of a group of workers. Impr. O.633/11

Рис. 12. Раскопки могильника Суук-Су в 1905 г. Слева стоит С. П. Петренко. Отп. О.633/38

Fig. 12. Excavations of the cemetery of Suuk-Su in 1905. S. P. Petrenko standing to the left. Impr. O.633/38

Рис. 13. Раскопки в Партените в 1907 г. Начало работ. Справа сидит С. П. Петренко. Отп. Q 455/5

Fig. 13. Excavations at Partenit in 1907. Beginning of the works. Sitting to the right: S. P. Petrenko. Impr. Q 455/5

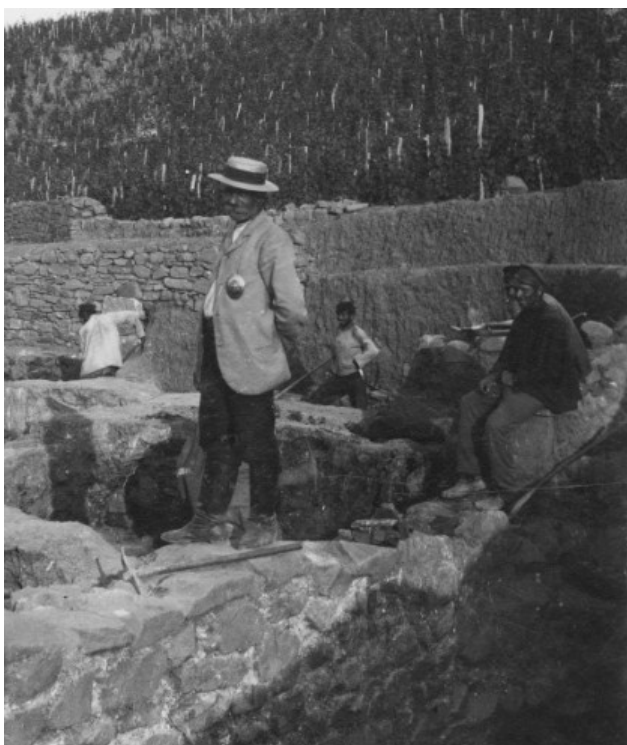
Рис. 14. Группа рабочих, принимавших участие в раскопках базилики в Партените в 1907 г. В центре стоит С. П. Петренко, во втором ряду четвертый слева сидит Н. И. Репников. Отп. Q 455/61

Fig. 14. Group of the workers who were taking part in the excavations of the basilica at Partenit in 1907. Standing in the centre: S. P. Petrenko, sitting in the second row, the fourth to the left: N. I. Repnikov. Impr. Q 455/61

Рис. 15. Раскопки в Партените в 1907 г. С. П. Петренко и Н. И. Репников (сидят на скамье) и группа рабочих. Отп. Q 455/67

Fig. 15. Excavations at Partenit in 1907. S. P. Petrenko and N. I. Repnikov (sitting on a bench) and a group of workers. Impr. Q 455/67

Рис. 16. С. П. Петренко на раскопках базилики в Партените, 1907 г. Работы в юго-западной части развалин. Отп. Q 455/64

Fig. 16. S. P. Petrenko at the excavations of the basilica at Partenit in 1907. Works at the south-western part of the ruins. Impr. Q 455/64

Рис. 17. Раскопки в Партените, 1907 г. С. П. Петренко (слева) за упаковкой находок. Отп. Q 455/124

Fig. 17. Excavations at Partenit, 1907. S. P. Petrenko (left) packing the finds. Impr. Q 455/124

Рис. 18. Раскопки Херсонеса, 1910 г. Стены улицы у здания № 1. На переднем плане С. П. Петренко, сзади — Н. М. Печенкин. Отп. Q 430/8

Fig. 18. Excavations of Chersonesos, 1910. Walls in the street near house no. 1. S. P. Petrenko in the foreground; behind — N. M. Pechenkin. Impr. Q 430/8

Рис. 19. Раскопки Херсонеса, 1910 г. С. П. Петренко у восточной стены здания № 2. Отп. Q 430/9
Fig. 19. Excavations of Chersonesos, 1910. S. P. Petrenko near the eastern wall of house no. 2. Impr. Q 430/9

Рис. 20. Раскопки в Херсонесе, 1910 г. С. П. Петренко в помещении с пифосами в здании № 2. Отп. Q.430/10
Fig. 20. The excavations of Chersonesos, 1910. S. P. Petrenko in the room with pithoi in house no. 2. Impr. Q.430/10

Старой Ладogi под руководством Н. И. Репникова, с которым он был хорошо знаком со времен раскопок в Крыму. Здесь С. П. Петренко организовывал процесс работ и следил за рабочими, раскапывающими уникальный «мокрый» культурный слой с сохранившимися деревянными конструкциями (рис. 21).

В 1914 г. его пригласили принять участие в раскопках Первого Мордвиновского кургана вместе с Н. Е. Макаренко и В. В. Саханевым. Исследования кургана под руководством М. И. Ростовцева планировалось провести на самом высоком методическом уровне, видимо, по этой причине и был приглашен опытный С. П. Петренко. Он изображен на многих фотоснимках, сделанных в ходе этой экспедиции (рис. 22, 23).

В 1916 г. С. П. Петренко отличился в деле спасения для науки случайно найденного кладоискателями замечательного мраморного саркофага на Тамани (Виноградов, 2019. С. 518–520), который в настоящее время украшает экспозицию Государственного исторического музея. После сообщения об обнаружении казаками, «занимающимися тайными археологическими раскопками», на Лысой горе красивого саркофага В. В. Шкорпил направил туда С. П. Петренко и еще одного рабочего для расчистки и перемещения саркофага в безопасное место (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916 г. Д. 4. Л. 33–38). Тогда же С. П. Петренко занимался склейкой и чисткой двух пелик, найденных вместе с саркофагом в кургане Лысая гора возле станицы Таманской. В результате в 1917 г. по случаю Пасхи он был представлен председателем Императорской археологической комиссии к награждению серебряной медалью для ношения на груди на Станиславской ленте за «ревностное исполнение обязанностей, безупречную честность и поведение» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1916 г. Д. 39).

Перед этим, в своем прошении А. А. Бобринскому в мае 1916 г., С. П. Петренко писал: «Прошу Вас Ваше Сиятельство обратить внимание на мое сотрудничество и 27-летнее пребывание при работах Императорской археологической комиссии в Керчи, и осмеливаюсь надеяться, что Ваше Сиятельство не оставите без внимания мои труды ввиду того, что за означенный период времени приходилось работать у разных лиц, и этим, быть может, объясняется то обстоятельство, что труды мои остаются без внимания» (Там же. Л. 1об.–2).

К сожалению, в связи с произошедшими политическими событиями награждение С. П. Петренко, вероятно, не состоялось, а сам он вскоре скончался. Значение его скромного и «незаметного», но весьма значимого для российской археологической науки труда так и остается недооцененным, поэтому особенно важно вспомнить о его заслугах. Не имевший специального образования, за время своей работы при Археологической комиссии он превратился в блестящего практика-раскопщика, универсального помощника начальника археологической экспедиции практически любого профиля. С. П. Петренко с удовольствием приглашали во все экспедиции. Он владел техникой раскопок разных типов археологических памятников, прекрасно занимался камеральной обработкой находок и на месте работ, и в Петербурге, умел отлично находить общий язык со своими подчиненными — рабочими на раскопе — и всегда пользовался их неизменным уважением. С. П. Петренко не совершил великих научных открытий, но его деятельность высоко ценили профессиональные археологи. Руководители экспедиций доверяли ему и часто на него оставляли раскоп в свое отсутствие. Работа и опыт таких умелых практиков и сейчас остается весьма востребованной в производстве археологических раскопок.

Теплые дружеские отношения связывали его с 1903 г. с Н. И. Репниковым. С. П. Петренко был постоянным помощником почти во всех его экспедициях от Крыма до Старой Ладogi (рис. 24). После смерти С. П. Петренко Н. И. Репников написал небольшую статью о нем (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 25), которая была подготовлена не ранее весны 1918 г. Заметка осталась неопубликованной, но сведения из нее частично уже использовались современными исследователями (Емельянова, 2015; 2019). Учитывая ее особую ценность как блестяще раскрывающей не только умения и таланты С. П. Петренко в деле раскопок, но и содержащей крайне интересные сведения о процессе археологических исследований на юге России, считаем важным опубликовать текст целиком в авторском варианте³.

³ Текст документа передается с сохранением стилистических и фонетических особенностей, в соответствии с современной орфографией и пунктуацией.

Рис. 21. Раскопки на Земляном городище Старой Ладоги. Откачка воды из раскопа, 1913 г. Стоит С. П. Петренко. Отп. Q 220/66

Fig. 21. Excavations at Zemlyanoye Gorodishche of Staraya Ladoga. Pumping out water from the excavation pit, 1913. S. P. Petrenko standing. Impr. Q 220/66

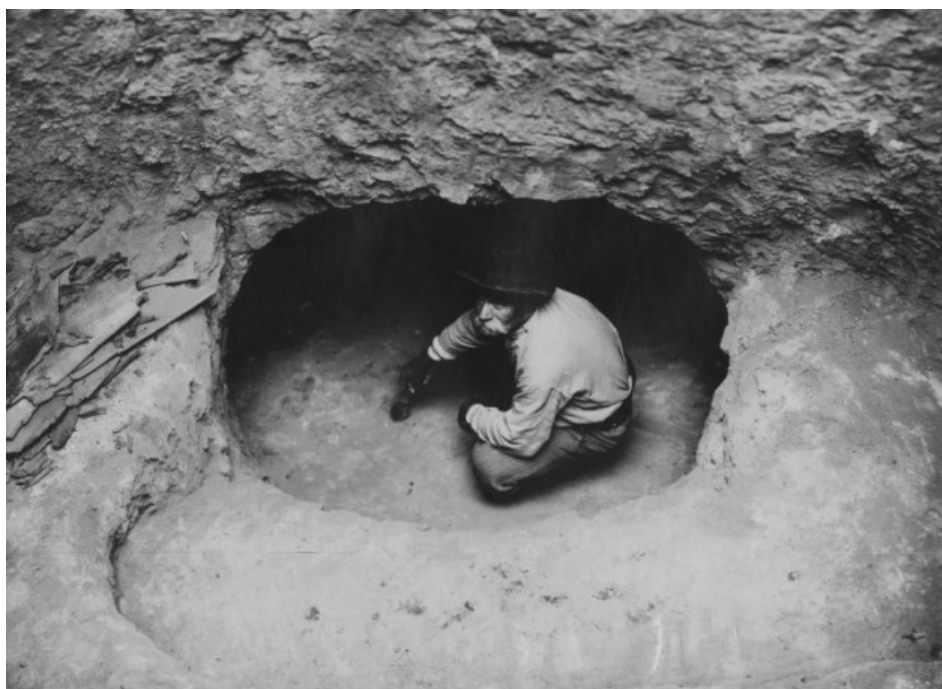

Рис. 22. Раскопки Первого Мордвиновского кургана в 1914 г. С. П. Петренко расчищает вход в катакомбу. Отп. Q 600/11

Fig. 22. Excavations of the First Mordvinovskij barrow in 1914. S. P. Petrenko clearing the entrance to the catacomb. Impr. Q 600/11

Рис. 23. Начало раскопок Первого Мордвиновского кургана в 1914 г. На переднем плане стоит С. П. Петренко, справа сидит Н. Е. Макаренко. Отп. Q 600/29

Fig. 23. Beginning of the excavations of the First Mordvinsky barrow in 1914. S. P. Petrenko standing in the foreground, N. E. Makarenko sitting to the right. Impr. Q 600/29

Рис. 24. Н. И. Репников и С. П. Петренко на раскопках могильника у дер. Скеля в Байдарской долине, 1907 г. Отп. Q 455/93

Fig. 24. N. I. Repnikov and S. P. Petrenko at the excavations of the cemetery near v. Skelya in the Baydar valley in Crimea, 1907. Impr. Q 455/93

ПАМЯТИ ДРУГА

Семен Петрович Петренко⁴

В начале моей археологической деятельности после успешно начатых летом 1903 г. исследований готского могильника Суук-Су около Гурзуфа Археологическая комиссия признала необходимым экстренно среди зимы продолжить начатую работу.

Ввиду трудности ее решили дать специалиста-надсмотрщика из Керчи, известили ныне покойного В. В. Шкорпила, прося уделить кого-либо из его сотрудников.

Прибыв на место работ ранее назначенного времени и начав работу со старым летним составом рабочих, я проработал два-три дня.

В назначенный день к нашим работам на склонах Лысого бугра, где расположен был могильник, подошел бравый коренастый мужчина лет сорока, шедший с полным сознанием того, что идет именно туда, куда ему нужно.

Поравнявшись с рабочими и спросив, «здесь ли заведующий работами Археологической комиссии», назвал меня, получив утвердительный ответ, незнакомец направился ко мне, разбиравшему в этот момент обнаруженную гробницу.

— Честь имею явиться, надсмотрщик Петренко из Керчи, — промолвил он, передавая свои бумаги и рекомендательное письмо В. В. Шкорпила. Нас окружили рабочие. Из письма было ясно, что податель сего есть рабочий-надсмотрщик Керченского музея Семеон Петрович Петренко, посылаемый мне как опытный наблюдатель за рабочими.

Заметив жест желая продолжать прерванную работу, он мягко заметил:

— Не извольте беспокоиться, позвольте продолжить разбор.

Получив согласие, С. П. ловким движением вытащил швайку из-за ремня кушака на спине.

Быстро, артистически был закончен разбор гробницы, обнаруживший костяк и находившиеся на нем предметы.

Засмотрелись на работу столпившиеся рабочие, как-то присмирив и затихнув.

Произведена запись, и сделан нужный обмер.

Приняв рабочих в свое ведение, С. П. преобразился: спокойно, без лишней рисовки и торо-

пливости была продолжена прерванная работа и закончен рабочий день.

Обсудив вечером предстоящее исследование и выслушав пожелания относительно будущих работ, С. П. попросил разрешения заняться перестроением рабочих и их группировкой.

К полудню следующего дня нельзя было узнать людей, все как-то подтянулось, сосредоточилось, каждой паре рабочих нашлось и место, и дело. Работа закипела, пошла своим чередом, сменяясь то днями радости по поводу счастливых находок, интересных и богатых погребений, то днями разочарований и ожиданий. С. П. был ровен, спокоен и неизменен, точно выточенный из стали, без нервов. Наши отношения завязывались и крепились. В долгие зимние вечера он, помогая готовить к отправке в Археологическую комиссию найденные древности, делился своими воспоминаниями о прежних своих раскопках в Керчи, на Таманском полуострове, Мелитопольских степях, в Ольвии, в долинах рек Качи и Альмы и у мыса Тарханкута.

Рассказ его был прост, ясен и правдив. Для начинающего археолога это была увлекательная, красивая повесть, рисующая практическую сторону производства археологических раскопок, это были своеобразные лекции по технике их, но столь оригинальные и широко поставленные, что их навряд ли будут где-либо читать специалистам. Наши отношения упрочились, и С. П. перевел своего слушателя на новые темы, в ряде образных рассказов обрисовав обратную сторону археологического дела на юге России, введя теоретически в мир керченских кладоискателей «счастливицев», он подробно охарактеризовал их быт, приемы обнаружения ими гробниц, рассказал о той непримиримой постоянной ночной «войне», которая идет у них с рабочими Керченского музея древностей, он говорил о скупщиках найденных древностей и пр.

С. П. увлекательно говорил на тему, о которой не имеет представления большинство наших археологов. Исчерпав и эти темы, он перешел к новым, составляющим профессиональную тайну, — это была реставрация и подделка древностей в Керчи.

Незаметно прошли три месяца работ, нужно было возвращаться в Петербург, мы расстались с С. П. друзьями.

Летом 1904 г. при посещении гостем работ Б. В. Фармаковского в Ольвии мы встретились вновь.

⁴ Во всех официальных документах ИАК С. П. Петренко значится как Самуил Петрович, но, видимо, в обычной жизни он представлялся как Семен Петрович.

С. П. наблюдал за работой на одном из бесчисленных курганов Ольвии.

В течение двух недель, проведенных здесь, он ввел своего ученика практически в дело раскопок больших южнорусских курганов, познакомив на практике с делом подбоев, работами тачкой, вложив поистине свою душу в то, чтобы ученик усвоил себе все приемы и меры предупреждения обвалов и «колов» — подбоев, весьма опасных во время работы.

На деле и практике были показаны значения ленты, обреза могильной ямы, выкида и проч. тонкости техники курганных раскопок. Законченные исследования кургана Б. В. Фармаковским были перенесены на ровное поле — сплошной некрополь. Здесь С. П. ознакомил меня с приемами отыскивания могил вытяжным щупом, специальный прием местных «счастливец»-кладоискателей на грунтах, состоящих из глины белоглазки.

В свободное от своих обязанностей время, при закате солнца, когда в степи даже, казалось бы, ровная поверхность начинает бросать длинную тень, С. П. ознакомил своего ученика с приемом находить аллеи сплошных грунтовых могил на ровных местах, наблюдать присыпки в полах курганов, различать западины и следы старых грабительских выкидов из древних минных работ. С. П. вводил в самую сокровенную своих знаний и опыта, выработанного долгим и пристальным наблюдением, смею утверждать, недоступного большинству не только наших археологов, но и профессиональным рядовым «счастливам».

Эти знания и есть удел лишь таких одаренных натур, какой был С. П.

В 1905 г. археологическая компания сложилась довольно прихотливо. Археологическая комиссия прикомандировала меня к Б. В. Фармаковскому, который в этом году начал значительные работы на Ольвийском городище.

Здесь судьба свела меня опять с С. П., который вместе с двумя другими надсмотрщиками приехал из Керчи.

Были начаты грандиозные раскопки городища, в ряде мест работало до 100 человек рабочих ежедневно.

Работа была сложной, требовавшей большого напряжения и сугубой бдительности от наблюдателя за рабочими, почти сплошь состоявшими из местных жителей — «счастливец», прекрасно ориентирующихся в рыночной стоимости каждой найденной мелочи.

Попав, естественно, на участок городища совместно с С. П., было приступлено к работам. В его партии между прочим работали самые отчаянные «счастливыцы», которых, скажу прямо, побаивались другие надсмотрщики, с этим народом мне пришлось столкнуться впервые, это были оригинальные люди. Присматриваясь к отношению С. П. к его подчиненным и последним к нему, выяснялось любопытное явление. Спокойный и справедливый, но требовательный к аккуратному и тщательному ведению работ, он был всеобщим любимцем.

От его острого, всегда пристального взгляда не укрывался ни один шаг его команды, всякое движение рабочего было ему ясно, от него не укрылось бы ничто, что шло бы в ущерб делу раскопок.

Рабочие все это отлично знали и учитывали. Наши взаимоотношения при работах выразились в практической стороне дела: в работах вагонетками, устройстве рельсового пути, перекидной работе тачками в вагонетки, очистке оснований открываемых древних зданий, грунтовых ям, разделений культурного пласта на слои, разборе последнего, — все это было показано ученику во всех тонкостях, попутно он был введен в закулисную сторону работ на городищах юга. Практическими приемами было показано то, что делают рабочие при исследованиях кабинетных археологов, после которых вещи попадают к перекупщикам. Для этих практических занятий были очень умно и тактично использованы, между прочим, некоторые из «счастливец», о которых упоминалось ранее. Еще в одну новую фазу был введен ученик.

Из Ольвии предстояла поездка в Крым, где в том же районе Гурзуфа и Суук-Су были необходимы дополнительные работы, ведшиеся по поручению Археологической комиссии на общественных землях и А. Л. Бертье-Делагарда — на земле частного лица.

С технической стороны это были те же условия работ, что и в момент нашего знакомства, тем не менее С. П. неустанно и упорно, с одной ему присущей настойчивостью не упускал случая ввести ученика в дело раскопок сплошным, глухим перевалом при столь сложных условиях, какие имелись в этом могильнике, — они заключались в громадной трудности определения материка в намывном однородном глинистом грунте, сползшем с холма, и установления в нем наличия могил. Все сводилось здесь к ряду мелких технических

приемов, разбираться в которых в совершенстве мог лишь С. П., безошибочно устанавливавший наличие или отсутствие их в каждом из исследуемых участков. По окончании работ этого года мы расстались вновь.

Летом следующего 1906 г. Археологической комиссией мне поручалось самостоятельное исследование на Ольвийском некрополе, параллельно с работами Б. В. Фармаковского на городище.

Узнавший об этом по приезде к нам на место раскопок С. П. впервые за все время, как я его знал, заволновался и занервничал. Видимо, он оценивал те возможности и шансы, которые могут быть пущены им в дело предстоящих его ученику раскопок на столь громадном и неопределенном пространстве, каким является Ольвийский некрополь.

Пред ним открывалась возможность благодаря аппарату его знаний уметь чувствовать условия и характер южнорусских некрополей направить дело так, чтобы достичь максимума результатов.

Узнав, что главной задачей, поставленной Археологической комиссией, является обнаружение архаического некрополя и в таком случае его систематическое исследование, С. П. просил отложить выбор места до вечера, когда на закате мы вышли в степь.

Как сейчас помню этот тихий вечер в степи, на берегу широкого Бугского лимана. Впереди нас на закат расстилался огромный некрополь, получивший характерное название «Сто могил». С. П. шел на запад спокойно, уверенно, порой пригибаясь к земле, наблюдая все время характер едва заметного рельефа поверхности. «Аллеи» сплошных могил шли рядами, чередуясь с курганами и ровными местами. Долго бродили мы по степи. С. П. был сосредоточен и молчал.

Наконец, оживившись, сказал: «Начинайте здесь, эта аллея мне нравится». Решили начать именно с этого места. Поставленные наутро рабочие щупом определили обрезы могил, находящихся в аллее. Их было три: одна заключала чернофигурное энохэ первой половины VI в. до Р. Х., другие, будучи ограбленными в древности, дали черепки так называемого коринфского стиля, то есть именно то, что и было нам нужно. Случаю было угодно лишить меня возможности работать с С. П. в эту компанию и дальше.

Сложность работ на городище у Б. В. Фармаковского оторвала от меня С. П., с грустью и

большой неохотой, как бы предчувствуя, что он повиновался приказу, с городища перешел его товарищ, другой керчанин.

Начатая аллея была использована. Предстоял выбор нового места. Работали отборные — первейшие «счастливицы», выбранные самим С. П. из всего наличия этого персонала Парутина. Работали, смею уверить, не за страх, а за совесть, искренне, без лукавства, с открытой душой. Выбирали места так, как их никогда не выбирали раньше при казенной работе и навряд ли выбирали потом. «Счастливицы», привязавшиеся ко мне, творили чудеса, большинство могил, ими намечаемых, было даже не ограблено в древности, но «архаический» некрополь уходил от меня.

С. П., с которым мы жили под одним, как со всеми членами экспедиции, кровом, корил и выговаривал все время своему заместителю, но, не имея возможности отлучиться с городища и не ведя работ непосредственно, не мог двинуть их в желательном ему направлении, т. е. «поймать», как он говорил, желательную ему полосу погребений.

В программу заданий Археологической комиссии входило исследование одного из бесчисленных курганов Ольвийского некрополя, нужно было сделать выбор. В праздник рано на заре С. П. отправился в степь один, вернувшись, сообщил, что курган им выбран, и что он, несмотря на наличие шести западин от грабительских ям, не тронут. Было приступлено к раскопке именно этого кургана — погребение его действительно оказалось целым.

Работы на некрополе окончились. Между тем исследования на городище развернулись грандиозно. С. П. работал вовсю, но без оживления — делово, он не вкладывал в них душу, ибо был лишь идеальным исполнителем чужих, для него далеких по духу, желаний и интересов исследователя.

Наметился близкий конец археологической кампании этого года, не будучи заинтересован персонально в работах на городище, я бывал на них лишь периодически — зрителем.

Большой сенсацией этого года была находка одной костяной пластинки с резьбой от [...] ⁵ и

⁵ В тексте в этом месте пропуск. Костяные пластинки с антропоморфными рельефными изображениями, по мнению Б. В. Фармаковского, могли украшать «круглый предмет, сужающийся к низу», возможно, сосуд в виде рога. Подробнее об этом см.: *Фармаковский*, 1909. С. 39–43.

нескольких фрагментов от него. Эта находка была роковой для моего друга.

По возвращении в Петербург, в конце года, чрез посредничество Э. Р. фон Штерна были присланы остальные пластинки, составлявшие [...], они были приобретены от известного на юге одесского антиквара Гохмана.

Факт того, что они были выкрадены с раскопок, не подлежал сомнению, указывалось, что они куплены у надсмотрщика, но которого — был вопрос.

Обвинения и предположения не касались, естественно, до моих взаимоотношений к С. П. Началось следствие, сильно затянувшееся. Наступало время новой археологической кампании, нужно было ехать в Крым, где предстояли работы в большом масштабе. С. П. значился под опалой и запрещением. Лишь после больших усилий и вмешательства покойного Н. И. Веселовского, категорически заявившего, что «дело выбора сотрудника зависит от исследователя», мне удалось добиться права взять С. П. на свои работы.

Первую половину лета 1907 г. заняли работы по исследованию основания развалин Партенитской базилики, памятника, не представляющего технической новости, вторая задача была посложнее — предстояло выяснить культуру «так называемых дольменов Крыма» и найти могильники раннего средневековья в Байдарской долине как материал для будущих систематических работ.

В последнем случае предстояло решать задачу со всеми неизвестными, то есть найти никому неизвестные еще могильники, о которых даже само население не имело представления, найдя их, выяснить их культуру, избегая раскопок из опасения того, что местное население после нашего отъезда их разграбит.

С. П. и здесь с честью вывел своего ученика из поставленных ему заданий. Он нашел три никому ранее неизвестных катакомбных могильника и в одном из них ухитрился вскрыть 4 склепа и 1 могилу, не привлекая внимания населения к памятнику. Что же касается упомянутых ранее дольменов, то с технической стороны исследование их не представляло новости. Выполнив работы, мы расстались вновь.

Осенью, уже в бытность мою в Петербурге, закончилось следствие по делу об украденных в Ольвии костяных пластинках, закончилось, выяснив его полнейшую непричастность к этому

делу⁶, и еще раз повторяю, безразличную для наших взаимоотношений.

В начале 1908 г. скончался заведующий раскопками Херсонеса К. К. Костюшко-Валюжинич, по поручению Археологической комиссии временное заведывание работами поручалось мне.

В марте мы встретились с С. П. вновь, и встретились там, где давно с ним мечтали встретиться.

Предстояла спешная, большая работа по исследованию некрополя, отходящего под военные постройки, предстояли также работы впереди Зеленой башни древней городской стены.

Пред С. П. встало трудное и тяжелое задание, но не технического свойства, а чисто организационного.

Кадр рабочих, с которым пришлось ему вести эти работы, был местный, коренной, связанный долгими годами работ Археологической комиссии в Херсонесе. У него выработался свой уклад, свои воззрения и приемы — резко противоположные с тем, что С. П. считал нужным и в чем убедил своего ученика.

«Новшества» С. П. в Херсонесе были встречены открытым бунтом. Главари его были мною немедленно удалены, через день С. П. сам первый просил за них, и они вновь были приняты на работу.

Петренко и тут вышел победителем, поставив все на свой лад, завоевав общую симпатию рабочих.

В Херсонесе С. П. развернулся вовсю, в свободные от работ дни мы совместно изучали Херсонес, намечая места будущих исследований, составляли план большого повторного изучения всего открытого путем новых дополнительных раскопок.

В самый разгар четвертого месяца работ, когда определялась возможность того, что ученик С. П. останется вторым заведующим в Херсонесе, он заболел малярией и крупозным воспалением легких. С. П. как нянька выносил его на руках, ведя в течение этого времени работу по устройству нового проезда к местному музею древностей, что входило в план очередных работ. Вскоре за сим в Херсонес прибыл новый заведующий Р. Х. Лепер, которому и переданы были мною работы, причем С. П., конечно, был аттестован с лучшей стороны. Через месяц, когда, возвращаясь, оправившись,

⁶ Они были украдены и проданы старшим надсмотрщиком Демиденко, сознавшимся в краже. С. П. числился во второй группе ольвийских надсмотрщиков (Прим. Н. И. Репникова).

из Ялты через Севастополь в Петербург, мне пришлось посетить Херсонес, чтобы проститься со своими бывшими сотрудниками, я узнал, что С. П. отказывается вести работы в нем и просит отпустить его в Керчь. Он также скоро уехал из Херсонеса, как я слышал, при всеобщем сожалении всех рабочих, сопротивлявшихся его «новшествам».

С моими южными работами было покончено. Казалось бы, мы расстались навсегда и не встретимся больше в поле.

Прошло два года. Здесь, на севере, после разведок 1909 г. в следующем году намечались работы в Старой Ладоге от Русского музея, вызванный из Керчи С. П. прибыл, как всегда, аккуратно.

Но он был смущен тем, что ему придется работать там, где он не бывал, и с теми древностями, которых он не знал.

Успокоив и сказав ему, что мы будем теперь вместе учиться новому для него, мы приступили к ладожским раскопкам, ведя их без перерыва четыре летние кампании подряд.

Здесь С. П. ждал новый неожиданный материал — остатки деревянных построек, идущих ярусами, это был, как он выражался, «материал деликатный», и с ним С. П. обошелся по деликатному, так, как навряд ли кто-либо, кроме него, сумел бы. Очистка открываемого производилась почти исключительно им или же под бдительным его наблюдением и выполнена была образцово.

С. П., видимо, тяготился севером, но отказать другу в просьбе приехать на работы не хотел.

Осенью 1913 г. я побывал впервые в Керчи, это был праздник для С. П., ценивший его В. В. Шкорпил уволил его от работ с содержанием на весь недельный период моего пребывания здесь.

Керчь была показана во всех подробностях, с раннего утра мы ходили и ездили по ее окрестностям, осматривая все решительно.

С разрешения В. В. Шкорпила С. П. показал ученику на производившихся в это время работах весь комплект технических приемов отыскивания гробниц швайкой, практикующийся в Керчи. Последний раз мы встретились с С. П. здесь, в Петербурге, в 1916 г., когда он был вызван в Археологическую комиссию для реставрации и склейки древностей, это была еще одна из его специальностей, ради которой его вызывают, начиная с 1913 г. Ни в Керчи, ни в Петербурге не было лучшего реставратора южнорусской керамики. С. П. жил у меня, работая долгий период в Комиссии и в Эрмитаже.

В свободное время мы с жаром обсуждали одно давно задуманное мною предприятие в горном Крыму.

Работа здесь обещала дать исключительный научный материал по средневековью. Эта тема захватила С. П. и была в его духе. Как дополнение к ней он предложил исследовать один катакомбный могильник готского периода, в окрестностях Керчи, на частной земле, который был ему известен и был не тронут кладоискателями.

Мы расстались с тем, чтобы встретиться летом 1917 г.

Но судьба судила иначе, грозные события лишили меня возможности выполнить задуманное.

А смерть С. П. лишила навсегда возможности встретить друга и учителя в деле производства раскопок.

Его выдвинуло время больших раскопок Археологической комиссии в России, и он был, несомненно, в первом ряду ее технического персонала.

Н. Репников

Вахтина, 2019 — Вахтина М. Ю. Императорская археологическая комиссия и изучение скифских древностей // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы / Ред.-сост. М. В. Медведева, А. Е. Мусин. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 537–653.

Виноградов, 2019 — Виноградов Ю. А. Императорская археологическая комиссия и изучение древностей Боспора Киммерийского // Там же. С. 354–536.

Емельянова, 2015 — Емельянова Н. С. Семен Петрович Петренко — учитель Николая Ивановича

Репникова // 70 лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму: Материалы науч. конф., посв. началу работы Тавро-Скифской экспедиции на Неаполе Скифском и других памятниках Крыма (г. Симферополь, 4–6 сентября 2015 г.). Симферополь: Тарпан, 2015. С. 54–55.

Емельянова, 2019 — Емельянова Н. С. С. П. Петренко и Н. И. Репников: учитель и ученик // Причерноморье. История, политика, культура. Севастополь: Филиал МГУ в городе Севастополе, 2019 (Серия А «Античность и средневековье»). № XXX (IX). С. 17–22.

- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1906 г. Д. 3; 1916 г. Д. 4; Д. 39; Ф. 10. Оп. 1. Д. 25.
- Ольденбург*, 1914 — *Ольденбург С. Ф.* Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 года. Краткий предварительный отчет. СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1914. 313 с.
- Попова*, 2008 — *Попова И. Ф.* Первая Русская Туркестанская экспедиция С. Ф. Ольденбурга 1909–1910 гг. // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века: Сб. ст. / Под ред. И. Ф. Поповой. СПб.: Славия, 2008. С. 148–157.
- Репников*, 1909а — *Репников Н. И.* Разведки и раскопки в Крыму в 1907 году // Известия ИАК. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1909. Вып. 30. С. 99–155.
- Репников*, 1909б — *Репников Н. И.* Партенитская базилика. Разведки и раскопки в Крыму в 1907 году // Известия ИАК. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1909. Вып. 32. С. 91–140.
- Ростовцев*, 1914 — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб.: Изд-во ИАК, 1914. Т. II: Текст. 112 с.
- Фармаковский*, 1909 — *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии // Отчет ИАК за 1906 г. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1909. С. 1–50.
- Федосеев*, 2002 — *Федосеев Н. Ф.* Керченский музей древностей // ВДИ. 2002. № 1. С. 154–178.
- Шаров*, 2016 — *Шаров О. В.* Погребения элиты Боспора римского времени и эпохи Великого переселения народов // КСИА. 2016. Вып. 244. С. 120–130.

**“During archaeological works, I fulfilled zealously,
carefully and unquestioningly the duties entrusted to me...”
Supervisor of the Kerch Museum Samuil Petrovich Petrenko**

M. V. Medvedeva

The remarkable archaeological discoveries made in the late 19th — early 20th century and the names of their authors are widely recognized, but it is little known about the ordinary workers who virtually recovered the ancient treasures during archaeological excavations. In this relation, a prominent place belongs to the supervisor of the Kerch Museum of Antiquities S. P. Petrenko who had worked for the Imperial Archaeological Commission (IAC) for 27 years.

The main place of his work and living was in Kerch but he was sent not once on missions of supervision over the workers at excavations by different archaeological expeditions. S. P. Petrenko worked with Boris V. Farmakovskiy in Olbia, Ernst R. von Stern in Berezan, Nikolay I. Repnikov in Suuk-Su, Partenit, Chersonesos and Staraya Ladoga, and with N. E. Makarenko at the Mordvinovskij barrow; he participated in the rescuing of the unique marble sarcophagus in Taman from looters and in other investigations of IAC. Along with the excavations, S. P. Petrenko was occupied with laboratory works and gluing together fragments of south-Russian pottery. In 1916, the chairman of IAC Aleksey A. Bobrinskiy nominated S. P. Petrenko for an award for the irreproachable service and zeal.

Petrenko's services and experience as a skilled excavator were highly valued by professional archaeologists. Warm and friendly relations tied S. P. Petrenko with N. I. Repnikov who wrote a brief essay in his memory. This manuscript is preserved in the personal archives of N. I. Repnikov and is here first published in author's complete variant.